

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*В. С. Антипова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Т. А. Богумил*

ФУНКЦИЯ ПРОЗВИЩА В РОМАНАХ Н.Ю. АБГАРЯН

Аннотация

В статье обозначены функции имени-прозвища в избранных романах Н.Ю. Абгарян. Рассмотрено влияние синтеза различных культур на слово писателя, его художественный язык. Сделан акцент на прозвищах, поскольку именно здесь отчетливо проявляются межкультурные взаимоотношения: от нейтрализации границ «свое–чужое» до ее подчеркивания. Прозвища выполняют психологическую, характеризующую функцию. Могут связывать человека с его родом.

Ключевые слова: имя, прозвище, ономапэтика, мультикультурный автор.

Н.Ю. Абгарян – российская писательница армянского происхождения. О себе она говорит: «Я считаю себя мультикультурным человеком. Во мне намешано много армянского, русского и общечеловеческого» [3]. Мультикультурный писатель – это «современный этнограф своей собственной культуры и одновременно ее интерпретатор» [4, с. 12]. Рассмотрим, как синтез различных культур повлиял на слово писателя, его художественный язык. Сузим объект исследования до слов, концентрирующих в себе память культуры – имен собственных. Еще уже – до прозвищ.

Имя в произведениях Наринэ Юрьевны Абгарян отражает всю многослойность своей природы, служит проявлением не только культурно-исторических смыслов, но и дополнительных коннотаций. В ее романах – трилогии о Манюне («Манюня», «Манюня пишет фантастический роман», «Манюня, юбилей Ба и прочие треволения»), «С неба упали три яблока», «Люди, которые всегда со мной» – встречается не только обретение имени или прозвища, но и его потеря, добровольный отказ, то есть – безымянность.

Имя выбирается исходя из разных жизненных принципов, особенностей, связанных с видением и особым восприятием мира. Это же касается и прозвищ: они даны человеку не случайно, с целью отражения характерных свойств носителя или определенной исторической эпохи. Главное отличие прозвища от имени – это реальная характеристика, а не желательная. Предки верили, что «имя, данное человеку, не просто прилеплено к нему случайно прихотью родителей, оно срастается с человеком» [5, с. 29]. Считается, что имя обладает определенной силой, оно может быть талисманом. И если раньше имя было

одно – данное от родителей, или крестное, то после появляется второе – мирское. Отсюда и прозвища. Именно прозвища несут яркую эмоциональную и смысловую окраску, тем самым характеризуют носителя.

Произведения Абгарян обилуют прозвищами. Прозвище может изобличать *модели поведения*. Девочка Карина отзывалась на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня [1, с. 313], которые ей дала Ба «за особую склонность к разрушительной деятельности» [1, с. 371]. В этом примере первичен характер, а не имя: под уже имеющегося человека подбирается прозвище.

Имя и прозвище могут *контрастировать*. Так, девочки были заинтригованы именем учителя танцев – Анной Рштуни. Но оказалось, что это известная им женщина по прозвищу Шейкривая. Дети были разочарованы: «Одно дело – загадочная Анна Рштуни и совсем другое – Шейкривая» [1, с. 396].

Прозвище – не только показатель *специфических черт* носителей прозвищ, но и *связь с родом*. Изначально они были даны только предкам, однако прикрепились к потомкам и не исчезли со временем. К примеру, Меликанц (= Княжеский) [2, с. 146]; Пашо (сокр. от “пашахусти” – неумный). Прозвище может напоминать о некоей ситуации: Куда (от диал. „ку дам“ – “отдам”) [2, с. 95].

Вот как сама писательница рефлексировала над происхождением родового прозвища: «Они были самой забавной в деревне парой. Шлапканц, то бишь из рода Шлапки, Ясаман и Шалваранц – из рода Шалвара – Ованес.

Каждый род Марана имел свое прозвище. Чаще всего оно было смешным и забавным, иногда – ироничным, но изредка – очень обидным. Зависело название рода от того, каким делами – добрыми или недостойными – отличился человек, прозвище которого впоследствии переходило и на его потомков. Прадед Ясаман <...> вернулся из долины в невиданном, можно сказать – вызывающем, на взгляд жителей Марана, головном уборе. На расспросы, что это такое он напялил, прадед с вызовом отвечал: “Шлапку!” За это его прозвали Шлапкой, а его потомков – Шлапканц.

<...> В лазарете дед Ованеса почему-то убивался не по покалеченной ноге, а по новым брюкам, которые пришлось выкинуть.

– Шалварс, шалварс, – жаловался он сестрам милосердия и докторам. За что и был прозван Шалваром, а все его потомки стали Шалваранц.

В деревне шутили, что Ясаман и Ованес дополняют друг друга, как предметы гардероба» [2, с. 59–60].

Подобным же образом возникает прозвище Ейбоганц (дед героини, отвоёвав в русской царской армии, «через слово вставлял в свою речь непонятное маранцам “ей-богу”») [2, с. 178]; Трусиканц (отец героя «первым из бердцев надел трусы на резинке – остальные по старинке “подпоясывали” белье суровой нитью или же обрывком веревки») [2, с. 112–113].

Обилие имен-прозвищ говорит об особом мировосприятии, традиционном типе сознания и культуры. Кроме того, как видим, часто

прозвище возникает на стыке двух языков, двух культур, как результат не вполне успешного или смешного *контакта* представителя традиционной культуры с достижениями русской цивилизации. В основе такого порождения прозвища – ситуация остранения, связанная с непониманием незнакомого слова и попыткой его освоить. Так, «Катынга и Олынга – это Катенька и Оленька!» [1, с. 599]. Русское слово осваивается на армянский манер, огрубляется за счет диалекта. Такой процесс – следствие контакта двух культур. Эта ситуация характерна для любого взаимодействия «своего» и «чужого»: между русской и армянской, взрослой и детской, бытовой и официальной культурами. К примеру, девочки интересуются: «А Генсек – это имя или фамилия?» [1, с. 381].

Прозвище может быть *сиюминутным*, иронически обыгрывать ситуацию. В отчет на возмущенную просьбу сына называть его не Мойшей, а «по паспорту», Михаилом, Ба фыркает: «Могу хоть Мухоедом» [1, с. 323]. На основании звукового сходства (м, х) устанавливается отождествление сына с видом воробьиных птиц, который выделяется красочным хохолком. До этого примечательного диалога сын хвастался новой разработкой, будто распускал хохолок, привлекая внимание. Ба насмехается над своим сыном, уподобляя его деятельность поеданию мух, т.е. чему-то незначительному и птичьему.

Между тем, упомянутые здесь различные формы имени – признак не только столкновения культур, но и *психологического манипулирования*. Давно освоенное русской культурой древнееврейское имя Михаил, в быту – Миша, заменяется отчетливо ощущаемой национальной номинацией: Мойше – форма древнееврейского имени Моисей. В еврейский семьях высока роль женщины, преобладает матриархат. Это закреплено на уровне иудейского права как разновидности религиозно-правовой семьи. Авторитет матери в еврейском обществе стоит превыше всего. Женщины управляют своими близкими людьми и несут за них ответственность. Следовательно, назвав своего сына Мойше, а не Миша, Ба напоминает ему свою властность, главенство в семье. К тому же, по одной из версий, имя Мойше – имя египетского происхождения и означает «дитя».

Имя-прозвище может быть своеобразным *национально-географическим показателем*: местное имя «Нарка» (сокр. от «Нарине») это «на русский манер» Настя; младенца Киракоса «на северный манер звали странным именем Кирилл» [2, с. 183]. Имя адаптируется к той культуре, в которую попадает. Отсюда появляются корреляты: Наринэ – Настя, Киракос – Кирилл. Происходит это из-за неприятия слова, в данном случае имени, фонетически. Например, героиня просит называть ее Стасей, так как эта форма более понятна и не столь трудновыговариваема как полное имя – Настасья: «Красивое певучее имя – Настасья, Ваню с Валинкой произносили его по слогам – Наз-стас-йя» [2, с. 157].

Адаптация имени к иной культуре влечет за собой нейтрализацию границ «свое-чужое». Во-первых, русское имя мимикрирует под армянские нормы, во-вторых, домашняя форма замещает официальную полную версию имени: «–

Завтра поможешь. Сегодня ты пока гость. На третий день уже гостем не будешь. Тогда и поможешь.

– А кем я тогда завтра буду? – улыбнулась Настасья.

Валинка затынула на затылке концы косынки, отряхнула передник.

– Хозяйкой будешь, Наз-стас-йя-джан.

– Зовите меня Стасей. <...>

– Ладно, будешь Стася» [2, с. 203].

Итак, прозвища в произведениях Наринэ Абгарян служат отражением особого мировидения мультикультурного автора. Зачастую они возникают на стыке разных культур: прозвища либо вступают в контрастные, противоречивые взаимоотношения, подчеркивая культурный контакт, либо проходит процесс адаптации к иной культуре, стираются границы «свое-чужое». Различные формы имени могут использоваться персонажами в качестве психологического манипулирования. В то же время прозвище может быть сиюминутным, характеризовать своего носителя здесь и сейчас, а могут и связывать с родом, принимают функцию своеобразного национального, географического и исторического маркера.

Используемая литература

1. Абгарян Н. Все о Манюне. – М.: АСТ, 2019. – 861с.
2. Абгарян Н. С неба упали три яблока. – М.: АСТ, 2019. – 381 с.
3. Давыденко В. Из блога в переплет: интервью с Наринэ Абгарян // Rg.ru: Интернет-портал «Российской газеты», 2012-2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2011/02/24/reg-jugrossii/abgaryan.html> (дата обращения: 17.04. 2020).
4. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол.н. – М., 2003. – 404 с.
5. Успенский Л. В. Ты и твое имя: рассказы об именах. – Л.: Детская литература, 1972. – 573 с.

Н.А. Зайцев

Россия, г. Москва,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Научный руководитель к. филол. н., доцент Е.К. Петровна

СВОЕОБРАЗИЕ И ФУНКЦИИ ОБРАЗОВ АРХИТЕКТУРЫ В РАССКАЗЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА «ПОГРЕБЕННЫЙ С ФАРАОНАМИ»

Аннотация

В статье рассматриваются образы архитектуры в рассказе Г.Ф. Лавкрафта «Погребенный с фараонами». Определяются предпосылки и цели обращения к этим образам, их своеобразие относительно других произведений автора. На основании анализа делаются общие предположения о месте образов архитектуры в образной системе лавкрафтовских произведений.